

УДК 165

DOI: 10.34670/AR.2020.21.58.005

Критика интерналистского фундаментализма в теории обоснования: дилемма Селларса – решение БонЖура

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, переулок Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

В статье представлена аналитическая экспозиция ключевых моментов подхода к обоснованию базисных убеждений, который был разработан БонЖуром с интенцией на преодоление антифундаменталистской дилеммы, получившей известность как «дилемма Селларса». Подход БонЖура к решению проблемы строится на основе ряда теоретически новационных решений: трансформации условий когнитивного доступа через выделение конститутивно-имманентной сознаваемости содержания опыта, которая не является ни рефлексивной, ни апперцептивной; функционально-семантического истолкования базисного убеждения в качестве концептуальной дескрипции опыта и определения идеальной позиции, позволяющей субъекту убедиться в эмпирической основательности базисных убеждений на основе прямого сопоставления их дескриптивного содержания с опытом в его имманентной сознаваемости. Показано, что основные посылки и допущения, на которых основывается решение БонЖура, во многих аспектах являются эпистемологически проблематичными и некогерентными. Во-первых, сознание опыта, трактуемое как конституент его содержания, не проходит квалификацию на роль эпистемического основания с точки зрения интерналистских стандартов, индуцирующих условие нормативной корректности оснований и признания их адекватности со стороны субъекта. Во-вторых, наиболее спорным является тезис БонЖура о том, что акт сравнения, в котором выясняется, насколько опыт удовлетворяет дескрипции, не требует вынесения суждений: если сравнение производится по каким-то различимым признакам, то оно не может не быть опосредствованным суждениями. Нейтрализовать это возражение можно было бы в контексте трактовки сравнения как предпосылки, заключенной в простом акте узнавания, но такая аналогия не проходит эпистемологическую квалификацию.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Критика интерналистского фундаментализма в теории обоснования: дилемма Селларса – решение БонЖура // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 2А. С. 37-56. DOI: 10.34670/AR.2020.21.58.005

Ключевые слова

Эмпирическое знание, инференциальное обоснование, классический фундаментализм, дилемма Селларса, базисные убеждения, опыт, сознательное состояние, интернализм.

Введение

Фундаменталистские теории эпистемического обоснования, раскрывающие основания эмпирического знания с позиций интернализма, стали объектом систематической критики в современной эпистемологии, и одно из главных направлений этой критики фокусируется на тех проблемах и трудностях, которые обнаруживаются для этих теорий на уровне объяснения эпистемически привилегированного статуса эмпирически базисных убеждений и экспликации их функций в системе инференциальных отношений, посредством которых обоснование получают все остальные (небазисные) убеждения, выступающие доксистической основой эмпирического знания.

Интерналистское представление о непосредственной опытной обоснованности базисных убеждений, имплицитное признание эпистемически фундирующих функций опыта, было поставлено под вопрос не только теми эпистемологами, которые вслед за Селларсом выступали с изобличением «мифа о данных» [Sellars, 1991] и отстаивали тезис о «теоретической нагруженности опыта», воспроизводя имплицитно «третью догму эмпиризма» [Davidson, 2001, 46] (дуализм концептуальной схемы и содержания), но и современными представителями аналитической эпистемологии, которые не только усомнились в непогрешимости базисных убеждений, но также пришли к пониманию того, что в допущении их непосредственной эмпирической обоснованности изначально заключена сложная апория, свидетельствующая о некогерентности собственных позиций классического интерналистского фундаментализма.

Для классического фундаментализма серьезная проблема возникает на уровне следствий альтернативного понимания природы такого когнитивного фактора, как сознательное отношение субъекта к данным опыта, играющего роль предельной эмпирически фундирующей инстанции убеждений. По стандартам обоснования, заданным в парадигме интернализма, непосредственное осознание содержанием собственного перцептуального или интроспективного опыта является необходимым условием обоснования убеждений, формирующихся на основе этого опыта. Однако такое сознательное схватывание опыта может истолковываться в двух альтернативных направлениях, каждое из которых ведет к неприемлемым для фундаментализма следствиям. Возникает апория, обозначенная как «дилемма Селларса» [BonJour, 2003, 60-61]. Альтернативами этой дилеммы выступают, с одной стороны, *признание пропозициональной содержательности и доксистической природы отношения к опыту, что ведет к реанимации регресса в обосновании*, а с другой – *исключение обосновательной значимости самого опыта, поскольку сознание опыта, предполагающее обращение к данным, не опосредствованным концептуализацией, будучи пропозиционально бессодержательным, не может быть фактором, значимым для обоснования пропозициональных установок*.

В настоящей работе представлены анализ решения этой проблемы на основе оригинального подхода, разработанного Л. БонЖуром, представителем современной аналитической эпистемологии, и критика этого решения, демонстрирующая, в каких аспектах оно проблематично и несостоятельно.

Классический фундаментализм: статус базисных убеждений

Принципы классического фундаментализма можно обобщить на уровне парадигматического представления, согласно которому основной массив убеждений, способных трансформироваться в знание, в плане инференциального обоснования держится на

фундаменте базисных убеждений, которые обладают атрибутами привилегированного статуса, а именно:

- 1) являются непосредственно обоснованными (обоснование их не зависит от инференциальных связей с другими убеждениями); о них, как правило, говорится, что они являются «самообоснованными» (например, удостоверяемыми в актах рациональной интуиции или «ясного и отчетливого» понимания) или непосредственно «основанными на опыте», что можно истолковать как с экстерналистских позиций («релейэбилизм»: формируются на основе надежного когнитивного процесса), так и с интерналистских позиций («эвиденциализм»: представляют результат трансформации эмпирических данных в надежные свидетельства);
- 2) обладают эпистемически значимыми достоинствами (качествами «несомненности», «непогрешимости», «неопровержимости»), приоритетно выделяющими их из состава других убеждений в плане соответствия нормативно-телеологическим стандартам познания – установкам на максимизацию истинности и минимизацию ложности в наибольшем массиве убеждений («Эмпирицисты полагают, что опыт может гарантировать истинность базисных убеждений, а рационалисты думают, что гарантии их истинности заключены в разуме» [Lehrer, 1974, 78]);
- 3) обеспечивают надежные гарантии или служат индикаторами вероятной истинности других (небазисных) убеждений, получающих обоснование через систему дедуктивных или индуктивных выводов, логических и эвиденциальных связей с базисными убеждениями, образующими проблематический фундамент знания.

Необходимость базисных убеждений обосновывается в общем порядке развития аргументов в пользу фундаменталистского решения проблемы эпистемического регресса [Галухин, 2019, 120].

Тезис об эмпирической фундированности базисных убеждений в классическом фундаментализме истолковывается, как правило, в том смысле, что убеждения, выступающие в роли базисных, формируются на основе «непосредственно данного содержания опыта» [Sellars, 1991, 127-134], развернутого в различных формах когнитивной активности (таких, например, как восприятие или интроспекция), и первичная связь этих убеждений с опытом, распознаваемая из внутренней перспективы субъекта, является фактором, конституирующим их обоснованность (фундаментализм интерналистского типа). Понятие опыта, однако, является очень неоднозначным и может получать альтернативные экспликации в рамках конкретных эпистемологических программ и подходов к определению условий эмпирического знания и обоснования. Показательным в этом плане является различие реалистического и феноменалистического языков, которые используются при структурном описании опыта восприятия и установлений предметной значимости конституентов его содержания. Сообразно этим альтернативным способам предметно-содержательного описания опыта определяются различия в понимании того, какие убеждения следует выделять в качестве эмпирически базисных: в одном случае в роли базисных выступают убеждения относительно «внешних» объектов и событий, в другом случае такая роль отводится убеждениям, которые складываются на основе выделения различных классов «чувственных данных», удовлетворяющих условию привилегированного доступа (непосредственно даны сознанию субъекта, известны на основе прямого «знакомства»), а убеждения относительно объектов и событий в этом смысле являются вторичными (продуктами концептуализации опыта).

Таким образом, фундаменталистские теории, построенные на принципах

«эпистемологического прямого реализма», утверждают, что обоснование основного массива убеждений, входящих в состав эмпирического знания, зависит от «неинференциально обоснованных убеждений, предметом которых являются некоторые контингентные пропозиции, описывающие внешний физический мир...» [Fumerton, 2006, 680]. Классический же фундаментализм интерналистского типа «стремится в качестве фундамента нашего знания об окружающем мире представить наше знание о том, что непосредственно дано нашему сознанию, а также знание о различных априорных истинах, известных посредством рефлексии» [Neta, 2011, 7]; базовые убеждения, предмет которых – «содержание сознательных состояний и особенно состояний чувственного опыта», являются той первичной «феноменологической дескрипцией» [VonJour, 1999, 236-246], из которой выводятся убеждения об объектах и событиях внешнего мира.

Для интерналистских версий классического эмпирического фундаментализма, особенно для тех, которые восходят к логико-позитивистским программам, вполне стандартным является представление, согласно которому базисные убеждения каузально связаны с условиями генерации эмпирических данных, служащих надежными верификаторами наших полаганий, и выражаются предложениями (например, «протокольными предложениями» Р. Карнапа), аутентично регистрирующими «содержание непосредственного опыта или феномены и, следовательно, простейшие познаваемые факты» [Цит. по: Popper, 2002, 77]. Таким образом, опыт выступает когнитивно-первичной инстанцией, выполняющей эпистемически фундирующие функции в отношении ряда пропозициональных установок, которые, собственно, и образуют основополагающую структуру – доксистический фундамент эпистемической формации.

Критики фундаментализма из числа сторонников когерентизма в качестве аргумента против признания непосредственной опытной обоснованности базисных убеждений выдвигают соображение, что наличие определенного феноменального опыта, независимо от того, является ли он стихийным или контролируемым, оставляет открытым вопрос о том, чему в данных условиях, исходя из данных опыта, мы можем верить, т. е. принимать в качестве предмета убеждения; собственно, «то, чему мы верим, получая чувственные стимулы, в конечном итоге зависит от предпосылочных убеждений» [Lehrer, 1974, 188], отражающих представление о значимости и сознание выполнимости определенных условий (например, допущения об исправности и надежности собственного когнитивного аппарата или стандартности объективной ситуации, которые также должны быть оправданы). Как замечает К. Лерер, даже когда речь идет о формировании убеждений на базе опыта, то и эти убеждения не могут быть признаны первичными и базисными, ибо само допущение интеллигибельности опыта имплицитно подразумевает, что мы «опутаны нашими убеждениями» [Ibidem]. Классический фундаменталист мог бы возразить, что указанная Лерером проблема рефлексивно-оценочного опосредствования возникает главным образом на этапе концептуализации опыта, т. е. перехода от феноменалистического языка, в терминах которого дается описание *непосредственно доступного* содержания опыта, к языку физикалистских дескрипций, референциальная система которого включает средства обозначения и указания на объекты и события внешнего мира; убеждения же относительно данного содержания опыта не требуют вывода, ибо формируются на основе такого схватывания этого феноменального содержания, которое изначально не предполагает классификацию или категоризацию, но выступает в форме первичной осведомленности, «знакомства» и непосредственной «презентованности».

Фундаментализм в тисках дилеммы

Но на каком основании феноменальному содержанию опыта можно придать значение когнитивного фактора, который играет определяющую роль в обосновании пропозиционально-содержательных убеждений, выступающих в роли базисных, если исходить из архетипичного для эмпиризма допущения, что само это содержание изначально не обладает пропозициональным статусом и схватывается посредством некоего первичного отношения (отношения «знакомства»), которое не определяется концептуализацией и не требует вынесения суждения?

Если эпистемически привилегированный статус базисных убеждений определяется тем, что они формируются на основе регистрации опыта, о содержании которого субъект должен быть «непосредственно осведомлен», как того требует «интернализм доступа», то возникает сложная дилемма: либо такая непосредственная осведомленность заключает в себе пропозициональное содержание, которое можно выразить суждением, подлежащим истинностной оценке, но в этом случае уже на новом уровне (в отношении этого суждения) закономерно возникает проблема обоснования, что может снова привести к регрессу, во избежание которого и развивалась идея базисных убеждений; либо следует отдать во власть «мифа о данных» [Sellars, 1991] и допустить, что это непосредственное схватывание содержания опыта не является пропозициональным отношением, т. е., будучи когнитивно первичным (каким, например, в концепции Рассела является отношение «знакомства»), не предполагает применение концептов и формирование суждений, обладающих истинностной значимостью; но в этом случае неизбежно встает вопрос о том, как то, что не обладает пропозициональным статусом и истинностной значимостью, может выступать фактором обоснования пропозиционально-содержательных убеждений («дилемма Селларса») [Галухин, 2019, 122].

Заметим, что для К. Поппера и Д. Дэвидсона, например, этот вопрос является риторическим. Дэвидсон полагает, что осведомленность о содержании опыта является видом убеждения, т. е. заключает в себе пропозициональное содержание и, соответственно, является концептуально опосредствованной, а это противоречит самой идее чистого эмпирического содержания: «Акцент на ощущении или восприятии в эпистемологических вопросах проистекает из одной простой мысли: ощущения есть то, что связывает наши убеждения с миром, и они являются кандидатами на роль факторов обоснования, потому что мы часто их сознаем. Проблема, однако, в том, что обоснование, как представляется, зависит от такого сознания, которое является просто еще одним убеждением» [Davidson, 2001, 142]. А Поппер в принципе отвергает «учение о том, что высказывания могут быть оправданы не только при помощи высказываний, но также и посредством чувственного опыта», считая это учением выражением *психологизма*, несовместимого с логикой науки: «Часто считают, что чувственный опыт так или иначе оправдывает базисные высказывания. Утверждается, что такие высказывания “основываются на” этом опыте, что истинность их становится “явной” в процессе этого опыта, что опыт делает их истинность “очевидной” и т. п. <...> Однако вместе с тем справедливо считается, что высказывания могут быть логически оправданы только при помощи высказываний» [Popper, 2002, 21]. Развивая критику позитивистского верификационизма, Поппер, как известно, отказался от идеи незыблемого эмпирического базиса [Галухин, 2010, 197-199]: обращение к опыту как методу проверки гипотез предполагало установку на расширение класса потенциальных фальсификаторов, а не поиск предельных фундирующих оснований знания. Однако эпистемические стандарты, индуцируемые логикой науки, как и картезианские

стандарты достоверности, являются слишком сильными для того, чтобы ими можно было руководствоваться при обосновании обыденных притязаний на знание.

В этом контексте следует заметить, что фундаментализм можно рассматривать как эпистемологическую позицию, которая выражается не только в понимании структуры и формы обоснования, но и в подходе к описанию или моделированию структуры знания. Так, Эрнест Соза исходит из принципиального различия между интенциональными состояниями, которые инкорпорируют пропозициональные установки (убеждения, стремления и т. д.), и ментальными состояниями, которые не опосредствованы концептуально и пропозиционально бессодержательны. На основе этого различия воспроизводится уже дилемма для фундаментализма относительно структуры знания: одна альтернатива этой дилеммы выражается в отрицании надежного фундамента знания исходя из поддерживаемого Поппером фаллибилистического тезиса, согласно которому ни базисные, ни иные типы убеждения не гарантированы от ошибки, а другая альтернатива по своему смыслу совпадает с одной из альтернатив дилеммы Селларса и, как показывает Соза, приводит к тому же антифундаменталистскому выводу, что и первая:

«a.(i) Если ментальное состояние включает в себе пропозициональную установку, то оно не обеспечивает нам прямой контакт с реальностью, напр., с чистым опытом, не обработанным посредством понятий или убеждений.

(ii) Если ментальное состояние не дает нам прямой контакт с реальностью, то оно не гарантирует нас от ошибки.

(iii) Если ментальное состояние не дает нам гарантии от ошибки, то оно не может служить фундаментом знания.

(iv) Следовательно, если ментальное состояние включает в себе никакой пропозициональной установки, то оно не может служить фундаментом знания.

b.(i) Если ментальное состояние не включает в себе никакой пропозициональной установки, то загадкой оказывается то, как такое состояние может обеспечить подкрепление какой-либо гипотезы, повышая ее правдоподобность по сравнению с другими гипотезами. (Если ментальное состояние не включает в себе никакого концептуального или пропозиционального содержания, то как оно может логически быть связанным с какой бы то ни было гипотезой? Убеждение как признание гипотезы было бы пропозициональной установкой, объектом которой была бы гипотеза. Но как такое убеждение¹ может логически зависеть от опыта, лишённого пропозиционального содержания?)

(ii) Если ментальное состояние не включает в себе никакой пропозициональной установки и не может обеспечить логическое подкрепление какой-либо гипотезы, то оно не может служить фундаментом знания.

(iii) Следовательно, если ментальное состояние не включает в себе никакой пропозициональной установки, то оно не может служить фундаментом знания.

(c) Для всякого ментального состояния верно, что оно либо включает в себе пропозициональную установку, либо не включает в себе никакой пропозициональной установки.

(d) Следовательно, ни одно ментальное состояние не может обеспечить фундамент знания. (Это следует из a(iv), b(iii) и c.)» [Sosa, 1995, 169-170].

¹ В плане обоснования.

Следовательно, решение проблемы, представленной в форме дилеммы для эмпирического фундаментализма в теории обоснования, имеет значение для решения дилеммы, возникающей для фундаментализма в теории знания.

Реабилитация фундаментализма: решение Л. БонЖура

Одна из оригинальных попыток аргументированного решения проблемы, получившей обозначение «дилемма Селларса», была предпринята Л. БонЖуром, который одно время выступал с критикой классического фундаментализма и экстернализма, развивал концепцию когерентного обоснования, учитывающую роль эмпирических факторов, но после определенной эволюции взглядов на условия и структуру обоснования пришел к убеждению о необходимости реабилитировать позиций фундаменталистского подхода в области эмпирического знания.

Прежде всего, представим антифундаменталистскую дилемму в собственном изложении БонЖура.

Дилемма возникает вследствие того, что понимание природы сознательного отношения субъекта к содержанию собственного опыта ограничено двумя альтернативами, каждая из которых приводит к следствиям, подрывающим позиции фундаментализма: «Если, с одной стороны, такое восприятие или осознание опыта истолковывается как пропозициональное или опосредствованное суждением по своему характеру, то в этом случае относительно нетрудно понять, как такое осознание, если оно само оправдано, может служить для обоснования убеждения с таким же содержанием... но при этом довольно трудно понять, почему для него самого не требуется какого-либо обоснования, а именно – некоторого основания для того, чтобы полагать, что пропозиция², является истинной. Если же, с другой стороны, понимание или восприятие опыта истолковывается как непропозициональное по своему характеру... как не предполагающее концептуальные утверждения или суждения относительно характера опыта, то трудно понять, почему необходимо еще какое-либо обоснование, ибо, по-видимому, в этом случае нечего обосновывать; но также трудно понять, как схватывание или восприятие такого рода может дать основание для полагания, что какое-либо пропозициональное убеждение, особенно убеждение, что данный опыт имеет специфически-конкретного характер, является истинным» [BonJour, 2003, 60-61].

Ключом к выходу из дилеммы, возникающей при объяснении эмпирической основательности базисных убеждений, является, по мысли БонЖура, такой анализ конститутивных условий сознательного опыта, который позволяет выделить в самом содержании опыта момент непосредственной осознанности, независимый от рефлексивно-пропозициональных установок, и представить эту осведомленность в качестве когнитивного значимого фактора, релевантного для эмпирически-исходного обоснования убеждений, выступающих в роли базисных.

БонЖур демонстрирует возможности предложенного им подхода на примере анализа условий и структуры обоснования рефлексивного (апперцептивного) метаубеждения (FB), предмет которого – актуальное докстатическое состояние, означающее пребывание в состоянии мысли о чем-либо или поддержание определенного убеждения (OB) в рамках текущего

² Заключенная в этом сознании опыта.

сознательного состояния. Так, на рефлексивно-сознательном уровне у меня имеется убеждение (FB), что (p#2) в настоящий момент я полагаю (OB), что (p#1) *проблема, обозначенная как дилемма Селларса, имеет альтернативные решения, одно из которых представлено Л. БонЖуром*. В каком смысле это апперцептивное убеждение (FB), что у меня есть такая мысль (OB), является эмпирически обоснованным? Достаточно ли для обоснования этого метаубеждения (FB), что p#2 (убеждения второго порядка), обратиться к эмпирическим основаниям, т. е. непосредственно сослаться на эмпирически актуальное состояние пребывания в убеждении (OB), что p#1 (убеждении первого порядка)? Положительный ответ на этот вопрос зависит от правильного понимания конститутивных условий этого сознательного опыта, содержание которого выражается (в данном случае) в актуально сознаваемом наличии такого убеждения (OB).

1. Применительно к рассматриваемому случаю в качестве *конститутивного условия* эмпирического доксистически-сознательного состояния БонЖур выделяет непосредственную сознаваемость актуального наличия определенного убеждения (OB), неотъемлемую от самого этого состояния убежденности; в этой конститутивно-имманентной осведомленности, которую следует отличать от акта рефлексии, формирующего метаубеждение, различаются два коррелятивных аспекта: во-первых, это непосредственная осведомленность о пропозициональном содержании (p#1) этого убеждения (OB), во-вторых, это сознание ассерторического характера отношения к этому содержанию (p#1) (т. е. согласие, а не сомнение или отрицание) [Ibidem, 62]. Правильное понимание конститутивных условий сознательного опыта, заключается, по мысли БонЖура, в том, что, например, состояние актуальной убежденности, идентифицируемое в данном случае по наличию ассерторической мысли (OB), что p#1 является сознательным состоянием не в силу какого-либо рефлексивного акта, который является отличным от самого этого состояния и запечатлевается в форме отдельного апперцептивного метаубеждения: «иметь сознательное актуально выраженное убеждение (“occurrent belief”) отчасти означает уже иметь осознанное понимание содержания этого убеждения (а также сознание собственного ассерторического отношения к этому содержанию)» [BonJour, 2010, 197]; такое сознание не является рефлексивным сознанием, продуцирующим убеждения «второго порядка», а является (по крайней мере, отчасти) конститутивным моментом самого состояния наличия актуального убеждения или мысли с определенным *непосредственно внятным* предметным содержанием (т. е. сознание аспектов, указанных в п. 1, «встроено» (“built-in”) в собственные условия реализации состояния убежденности как сознательного состояния).

2. Конститутивно-имманентная сознаваемость актуализации (в данном случае) доксистической установки с определенным содержанием обладает (а) уникальным когнитивным статусом и (б) эпистемически значимым достоинством, которые, как полагает БонЖур, позволяют избежать в равной мере неприемлемых альтернатив дилеммы, подрывающей позиции эмпирического фундаментализма.

2 (а). По своему когнитивному статусу непосредственная сознаваемость актуального убеждения с определенным предметным содержанием сама по себе выступает конституентом сознательного состояния, которое, с одной стороны, не является рефлексивно индуцированным доксистическим состоянием, таким как метаубеждение (FB), которое само нуждается в обосновании; с другой стороны, такая сознаваемость, в спектре которой определяется актуальное убеждение с его содержанием, выходит за рамки примитивного некогнитивного знакомства, которое «не может отразить специфический характер схватываемого состояния»

[Ibidem, 196-197] (в данном случае именно пропозиционального содержания р#1 убеждения (OB)).

2 (б). Сознаваемость, которая не является апперцептивной, но является конститутивной, «встроенной» ("built-in") в собственные условия определенных состояний как сознательных состояний, представляющих опыт актуализации определенного убеждения, обладает, по мысли БонЖура, очевидным эпистемическим достоинством: конститутивно-имманентное сознание определенного содержания в силу своего уникального когнитивного статуса не требует само по себе какого-либо обоснования – оно «является непогрешимым в том строгом смысле, какой соответствует традиционным фундаменталистским представлениям» [BonJour, 2003, 64]. Поскольку осознанность содержания и характера убеждения является конститутивно-имманентной состоянию сознательной убежденности, в котором актуализируется убеждение с таким именно содержанием, то в этой системе отношений отсутствуют условия, при которых эта осознанность содержания как атрибут сознательного убеждения могла бы быть ошибочной, «потому что нет независимого факта или ситуации, относительно которых могла бы возникнуть ошибка» [BonJour, 2001, 25].

2 (в). Из этого, однако, не следует, что убеждение второго порядка (FB) как результат апперцепции в отношении убеждения первого порядка (OB) не требует какого либо обоснования: допустим, в настоящий момент я полагаю (OB), что (р#1) *проблема, обозначенная как дилемма Селларса, имеет альтернативные решения, одно из которых представлено Л. БонЖуром*; полагание это является осознанным не только в смысле (ii) апперцептивно-рефлексивного восприятия этого факта, отражаемого на уровне метаубеждения (FB), что (р#2) *у меня имеется убеждение OB, что р#1*, но и в более первичном смысле (i) транспарентно-сознательного отношения к содержанию и характеру этого полагания, выступающего конститутивным условием моей сознательной убежденности; однако из того, что схватывание (i) не допускает какой-либо ошибки, не следует, что FB с содержанием р#2 не должно быть обоснованным. На апперцептивно-рефлексивном уровне может сформироваться метаубеждение (типа FB), что я в чем-то убежден или склоняюсь к мысли определенного характера и содержания, но это метаубеждение, в силу определенных причин [BonJour, 2010, 198], может тем не менее оказаться ошибочным. Рассуждения БонЖура строятся на реинтерпретации расселовской концепции «знания по знакомству», в которой когнитивно-первичное отношение «знакомства» (непосредственной «данности» сознанию объектов, различимых из «внутренней» перспективы субъекта) удовлетворяет стандарту той непосредственности и транспарентности, на которых супервентно качество непогрешимости (ибо нельзя быть знакомым с тем, чего не существует), столь ценимое классическими фундаменталистами.

3. Когнитивный статус и эпистемическое достоинство конститутивно-имманентной осознанности содержания и характера определенного убеждения X («первого порядка») являются основными факторами, которые играют ключевую роль в обосновании убеждения Y – убеждения более высокого («второго») порядка относительно действительности и характера такого (доксастического) состояния, которое определяется наличием убеждения X.

БонЖур согласен с позицией критиков фундаментализма, таких, например, как К. Лерер [Lehrer, 1974, 95-97], которые доказывали, что убеждения, принимаемые в качестве базисных, не обладают такими свойствами, которые иммунизировали бы их от ошибки: неправильное отражение собственных сознательных доксастических и перцептуальных состояний на уровне апперцептивных убеждений может быть следствием целого ряда факторов, таких, например, как

«простой дефицит внимания, сложность или недостаточной определенность содержания убеждения первого порядка» [BonJour, 2003, 64], ошибка может случиться в силу других проблем когнитивного характера. Непогрешимость как свойство базисных убеждений в концепции БонЖура перемещается в область собственных достоинств конститутивно-имманентной сознаваемости опыта: «возможность ошибки не является препятствием для того, чтобы метаубеждения второго порядка получали адекватное обоснование посредством обращения к конститутивной осознанности первого порядка» [Ibidem, 65].

Именно в конституентах непогрешимой сознаваемости убеждений первого порядка БонЖур находит *непропозициональное*, но *когнитивно значимое* условие обоснования базисных убеждений: если в качестве базисного рассматривать метаубеждение FB относительно наличия определенного убеждения *OB* первого порядка, то ключевым фактором обоснования этого метаубеждения является обращение к этой «существенной, конститутивной сознаваемости пропозиционального и ассерторического содержания убеждения первого порядка» [Ibidem, 64]. Такая конститутивная сознаемость содержания «представляется вполне достаточной для того, чтобы сама по себе и в себе, при прочих равных условиях, составлять основание для полагания, что убеждение второго порядка, что у меня имеется убеждения с таким именно содержанием, является истинным (или, выражаясь более реалистично, дает основание для полагания, что метаубеждение, которое представляет, возможно, менее детальное и более абстрактное описание содержания убеждения первого порядка, но такое, которому удовлетворяет это актуальное более конкретное содержание, является истинным)» [Ibidem].

4. Описывая когнитивно-операциональную структуру обоснования базисных убеждений (в данном случае – апперцептивных убеждений о характере и содержании актуализированных сознательных убеждений), БонЖур опирается на определенные функционально-семантические посылки, которые необходимы для правильных пониманий *тех отношений, в системе которых определяются достаточные основания для признания истинности базисных убеждений: содержание базисного убеждения* (в данном случае – метаубеждение FB) выступает в роли концептуального описания, объектом которого является, собственно, «то самое содержание, которое фигурирует (“involved in”) в конститутивной сознаваемости содержания» [BonJour, 2001, 25].

Таким образом, субъект оказывается в «идеальной позиции» для того, чтобы, пользуясь правами «привилегированного доступа», которые обеспечивает непогрешимая сознаемость актуального убеждения *OB*, «встроенная» в само состояние обладания таким убеждением, представить содержание апперцептивного метаубеждения FB (убеждения второго порядка) как некую концептуальную дескрипцию эмпирического состояния, которое выражается в наличии актуального убеждения *OB* (убеждения первого порядка), и предметно соотносить эту дескрипцию с содержанием и характером этого убеждения, конститутивно-непосредственным сознанием которых он обладает. БонЖур настаивает на том, что сопоставление и сравнение двух различных сознательных состояний является «прямым и неопосредствованным суждением», а противоположная позиция, на которую указывали критики, расценивается им как выражение неоправданной «гиперинтеллектуализации» мыслительных операций.

Применение аналитической модели, предложенной БонЖуром, является эпистемологически эффективным в той мере, в какой эта модель позволяет объяснить, при каких условиях определенным типам убеждений, например «апперцептивному метаубеждению относительно существования и содержания актуально выраженного (“occurrent”) убеждения первого порядка», можно придать статус эпистемически базисного убеждения и показать, что

имеется достаточное основание считать, что это метаубеждение является истинным, такое именно основание, которое удовлетворяет стандарту когнитивной значимости и внутренней доступности и «не зависит ни от какого-либо иного убеждения или когнитивного состояния, которое само нуждалось бы в обосновании» [BonJour, 2003, 69] Аналогичным образом, но с применением более сложного анализа, БонЖур объясняет, «в каком смысле убеждения относительно содержания других видов опыта, особенно чувственного или перцептуального опыта, также могут быть базисными» [BonJour, 1999, 233] и при этом правильно обоснованными.

БонЖур полагает, что способ, каким определяется достаточное основание для того, чтобы считать перцептуальные убеждения истинными, позволяет выпутаться из указанной дилеммы, альтернативами которой выступают реанимированный регресс инференциального обоснования и «дефолт» эпистемической значимости обращения к инстанции опыта.

Решение БонЖура строится на основе нескольких концептуально-аналитических ходов, включающих:

- 1) определение конститутивных условий, при которых содержание некоторого опыта становится содержанием *сознательного* опыта, сохраняя при этом независимость от концептуально-пропозициональных структур; непосредственная представленность характера и содержания некоторого опыта является как бы «вмонтированной» (“built-in”) в собственную конституцию сознательного опыта, не будучи рефлексивно индуцированной или концептуально опосредствованной, что гарантирует когнитивную транспарентность, достаточную для исключения ошибки, и обеспечивает привилегированную позицию, необходимую для сопоставления непосредственно схватываемого содержания с обосновываемым убеждением;
- 2) демонстрацию значимости для неинференциального обоснования базисных убеждений такого фактора, как правильность дескриптивного представления содержания сознательного опыта, которая выверяется на основе «непосредственного сопоставления» содержания обосновываемого убеждения с содержанием того сознательного опыта, который оно так или иначе «описывает»; в условия возможности такого сопоставления или сравнения входит, с одной стороны, понимание предмета и характера убеждения, а с другой стороны – непосредственное конститутивное сознание содержания доксистического или перцептуального опыта, с которым соотносится содержание убеждения как его концептуальная дескрипция; таким образом, то убеждение, которое выступает в статусе базисного, может считаться обоснованным независимо от отношения его к другим убеждениям, требующим дополнительного обоснования.

Критика решения БонЖура

Предложенная Л. БонЖуром концептуальная модель решения проблемы, связанной с апорией (дилеммой), возникающей при анализе оснований эмпирически базисных убеждений, является, безусловно, эвристичной; но в ряде своих ключевых моментов это решение БонЖура оказалось уязвимым для критики.

Аргументация БонЖура, демонстрирующая условия значимости сознательного опыта для удостоверения эпистемического статуса эмпирически базисных убеждений, развивается в русле основополагающей интуиции, что убеждение, которому отводится роль базисного, становится эпистемически оправданным, когда субъект задействует такой ресурс как конститутивно-

имманентная сознаваемость опыта и непосредственно усматривает или схватывает положение, что его опыт удовлетворяет тому описанию, которое представляет содержание этого убеждения [BonJour, 2003].

[I] Допустим, в какой-то момент восприятия t у субъекта складывается интроспективное убеждение B , что *ему кажется, как будто серая кошка приютилась на коврике в углу*; убеждение B является обоснованным в той мере, в какой содержание B (выделенное курсивом) верно описывает непосредственно сознаваемое феноменальное содержание перцептуального опыта E . Эпистемологическая трактовка роли конститутивно-имманентной сознаваемости опыта E в обосновании убеждения B , которую дает БонЖур, как может показаться, *не лишена некоторой двусмысленности*.

С одной стороны, конститутивно-имманентная сознаваемость содержания опыта (КИ-сознаваемость) определяется в статусе *когнитивно-функционального условия*: наряду с «пониманием того, каким должно быть содержание опыта, чтобы удовлетворять концептуальной дескрипции», сознаваемость опыта, будучи условием привилегированного доступа к объекту дескрипции, обеспечивает «идеальную позицию, чтобы *судить*³ о том», насколько описание является правильным» [BonJour, 2001, 30].

С другой стороны, БонЖур определяет КИ-сознаваемость в качестве *эпистемически значимого основания*, которое играет роль ключевого фактора обоснованности убеждения: «такая конститутивная сознаваемость опыта сама в себе и как таковая... представляет причину» [Ibidem, 25] для того, чтобы полагать, что убеждение с таким именно содержанием является истинным.

БонЖур подходит к проблеме обоснования с интерналистских позиций, а это имплицитно подразумевает признание, как минимум, следующих условий:

(а) главный интерналистский принцип: факторы, значимые для обоснования, должны быть распознаваемы субъектом из его собственной когнитивной перспективы (*условие когнитивной доступности*);

(б) обоснование должно строиться на нормативно корректных основаниях (*условие корректности*: в отличие от эпистемически значимых оснований, каузально обусловленные реакции не имеют нормативно определенных условий корректности);

(в) субъект должен квалифицировать основания для убеждений как адекватные и достаточные для признания истинности того, что составляет предмет убеждения (*условия признания адекватности оснований*).

Сознаваемость содержания опыта E является, как утверждает БонЖур, «предельным источником оснований», достаточных для верификации B ; с интерналистских позиций фактор КИ-сознаваемости содержания опыта можно рассматривать как основание, если выполнены указанные выше условия, включая условие корректности. Но в этом случае в структуре допущений, на которых строится решение БонЖура, обнаруживается ряд серьезных проблем.

(1) Если КИ-сознаваемость содержания опыта рассматривается не как простой каузально-обусловленный эффект, который не подлежит нормативной оценке, а как то, что дает основание, удовлетворяющее условию корректности, то эта позиция вступает в явный конфликт с другой позицией БонЖура, согласно которой содержание опыта, не обладая пропозициональным статусом, сам по себе не является ни истинным, ни ложным, а его конститутивно-имманентная

³ Курсив мой. – А.Г.

сознаваемость, в отличие от апперцептивного схватывания, является скорее примитивным, чем опосредствованным суждением.

(2) Еще большие проблемы возникают, если допустить, что субъект в рамках расценивает КИ-сознаваемость содержания собственного опыта как релевантную для обоснования убеждения В, формирующегося на основе этого опыта, т. е. выполняет условие *признания адекватности оснований*: «Поскольку предполагаемое осознание опыта ограничено условием корректности и поскольку S усматривает в этом⁴ корректное (достаточное) основание, то осознание опыта становится практически неотличимым от убеждения, так что первое не может служить источником обоснования последнего» [Lee, 2013, 293].

(3) С другой стороны, если следовать логике рассуждения БонЖура, из которых следует, что КИ-сознаваемость содержания опыта настолько непосредственна и по сути своей непогрешима (“infallible”), что не требует какой-либо оценки и признания адекватности со стороны субъекта, как того требуют эвиденциальные факторы, притязающие на роль оснований, то посредством эпистемологического мета-анализа можно обнаружить, что предложенное БонЖуром решение строится на представлениях, имплицитно разрывающих с позициями интерналиста, в рамках которых оно задумывалось, т. е. является в основе своей некогерентным. Как заметил Бьонг Ли, «отрицать требование признания адекватности оснований равносильно отрицанию того, что субъект должен иметь какое-либо когнитивное⁵ отношение к тому, что дает основания для его убеждений» [Ibidem, 294]; но в случае исключения условия «сильного доступа» (или «осведомленности в сильном смысле», если следовать терминологии М. Бергмана) мы оказываемся в положении, когда у нас нет весомых оснований предпочитать интернационализм экстернализму.

Основополагающим для интерналистской концепции обоснования является утверждение необходимости для субъекта в определенном смысле сознавать, что выступает в роли факторов, которые могут иметь значение для обоснования его убеждений. Такое когнитивное отношение может представляться либо как осведомленность в «сильном» смысле, либо как осведомленность в «слабом» смысле: в первом случае предполагается, что субъект должен рассматривать тот или иной потенциальный фактор как в определенном смысле значимый для истинности и обоснования, в последнем случае никакого суждения об адекватности оснований не требуется. Принимая во внимание это различие, М. Бергман формулирует «дилемму для всех интерналистов» [Bergmann, 2006]: если интерналисты требуют осведомленности о потенциальных факторах обоснования в «сильном» смысле, то возникает порочный регресс (на перспективу которого в свое время указывал БонЖур, когда развивал аргумент против фундаментализма [BonJour, 1985, 32]); если же интерналисты требуют осведомленности в «слабом» смысле, то в этом виде интерналистское требование доступности является «немотивированным» (об этом же в п. 3 выше) [Bergmann, 2006].

[II] Другой ряд проблем обнаруживается при анализе того, как производится эпистемологическая квалификация характера и результата непосредственного усмотрения и «прямого сопоставления» интроспективного убеждения с содержанием сознательного опыта. БонЖур настаивает на аутентично-непосредственном характере – пропозициональной бессодержательности такого сопоставления, т. е. полагает, что не требуется никакого суждения,

⁴ Состоянии осознанности опыта.

⁵ Оценочное.

чтобы выразить тот факт, *что-то* содержание, которое отражается на уровне конститутивно-имманентной сознаваемости докстастического или перцептуального состояния, удовлетворяет описанию, т. е. совпадает с содержанием релевантного убеждения. Но такое допущение является неоправданно сильным и не может быть принято без серьезного аналитического обоснования.

(1) Что входит в условия сопоставления некоторого убеждения В, которое формируется, например, на основе элементарного восприятия и содержания перцептуального опыта Е, который, как полагает БонЖур, может быть сознательным в первичном (неапперцептивном) смысле (в смысле конститутивно-имманентной сознаваемости чувственного содержания, определяющей характер и специфику этого восприятия)? С одной стороны, необходимо (Х) понимание того, в чем состоит убеждение В, содержание которого в особом (дескриптивном) отношении к качественному и феноменальному содержанию перцептуального опыта Е; с другой стороны, необходимо (У) непосредственное схватывание чувственного содержания, условием интеллигибельности которого выступает не рефлексия, а контитиутивно-имманентная сознаваемость (согласно концепции БонЖура). *Но в какой системе и на каких основаниях должны соотноситься В и Е, если Х и У как условия их постижимости определяются в разных, возможно, несоизмеримых когнитивных системах (система пропозициональных установок / система пропозиционально бессодержательной осведомленности)?* Сопоставление В и Е имеет смысл, если эпистемологически доказана не только функциональная, но и содержательная комплиментарность этих систем. Собственно, дилемму Селларса можно рассматривать как форму проблематизации соотношения этих моментов. БонЖур, однако, мог бы возразить, что описанная им конститутивно-имманентная сознаваемость является специфическим аспектом реализации определенного когнитивного состояния и имеет положительную эпистемическую значимость (фигурирует в обосновании базисных убеждений), т. е. отличается от простого отношения знакомства, и, следовательно, выпадает из указанной дилеммы. Но, как показывает критический анализ, представленный в п. I, обоснованность этого тезиса можно поставить под вопрос.

(2) Отношение между свободным от концептуализации эмпирическим содержанием, отражаемым на уровне конститутивной сознаваемости опыта, и пропозициональным содержанием убеждения, которому придается статус концептуальной дескрипции, не описывается ни как логически-инференциальное, ни как объективно-каузальное: БонЖур определяет это отношение в функционально-семантическом плане как дескриптивное [BonJour, 2003, 72] и полагает, что в контексте обоснования базисного убеждения это отношение актуализируется через *прямое сопоставление* или сравнение концептуальной дескрипции с неконцептуальным объектом (содержанием опыта в его конститутивно-имманентной осознанности). Но рассуждения эти не снимают вопрос о природе самого когнитивного акта, который БонЖур представляет как акт прямого сопоставления или сравнения; такое сопоставление предполагает, по крайней мере, рефлексивное схватывание содержания актуального убеждения, выступающего в качестве концептуальной дескрипции, а соотношение непосредственно сознаваемого содержания опыта с тем, что выделяется в акте рефлексии, не может не быть не опосредованным рефлексией. Единственный выход из этой проблемной ситуации заключается в том, чтобы представлять пропозициональное содержание убеждения в контексте сопоставления его с имманентно осознанным содержанием опыта не как рефлексивно сознаваемое и концептуально артикулируемое, а как непосредственно схватываемое в простом акте понимания или удовлетворяющее условию интуитивной понятности. Но такая

интерпретация условия когнитивной доступности применительно к содержанию убеждения может показаться тенденциозным шагом, направленным на то, чтобы «зарезервировать» для субъекта ту позицию, которую БонЖур рассматривает как «идеальную» для прямого сравнения базисного убеждения с опытом и удостоверения его истинности. Дело в том, что простой акт понимания того, в чем состоит убеждение, является необходимой, но недостаточной предпосылкой его обоснования: убеждение получает обоснование как дескрипция опыта, понимание убеждения включает в себя функционально-семантическое истолкование его содержания, следовательно, понимание в этой перспективе не является простым.

(3) Вполне закономерно, что магистральная линия критики концепции БонЖура обозначилась в подходах ряда эпистемологов (таких, например, как Э. Соза и М. Бергман), которые поставили под сомнение тезис о пропозициональной бессодержательности и непосредственности акта сопоставления концептуальной дескрипции с содержанием того опыта, который должен корректно «описываться» на уровне базисного убеждения, чтобы последнее было правильно обоснованным. Так, М. Бергман ставит вопрос о том, *можно ли обойтись при сравнении убеждения В с опытом Е без вынесения какого-либо суждения, как полагает БонЖур*, и дает на него отрицательный ответ. Вопрос этот можно переформулировать: *Насколько оправданно допущение, что конститутивно-имманентная сознаваемость опыта позволяет достигнуть идеальной позиции для того, чтобы соответствие этого опыта концептуальной дескрипции могло быть установлено на основе прямого сравнения?* Бергман сомневается, что можно достигнуть такой позиции, которая способна гарантировать непосредственность акта сравнения и иммунизировать его от концептуализации и пропозиционального опосредствования: «Ибо сравнение (прямое оно или нет) предполагает выделение того, в чем сравниваемые объекты тождественны и в чем они различны. Но это невозможно сделать, если субъекту неизвестно, что у сравниваемых объектов есть определенные черты. А это, в свою очередь, делает необходимым вынесение суждения, что у объектов есть такие-то черты, или представления их как обладающих такими чертами. Но... эти акты суждения или представления относятся к разряду вещей, которые могут быть правильными⁶ или нет, следовательно, обоснованными или необоснованными. А это и есть то, что непосредственно возвращает нас к проблемам регресса» [Bergmann, 2006] – проблемам, реанимируемым в рамках первой альтернативы дилеммы Селларса. Если Бергман прав, т. е. если всякое сравнение необходимо предполагает различающие, сопоставляющие и идентифицирующие суждения, то следует признать, что решение БонЖуром в этом ключевом моменте является несостоятельным: отправляясь от непосредственной сознаваемости опыта, лишенной пропозиционального статуса, оно неизбежно попадает на пропозициональный полюс дилеммы.

(4) БонЖур отчасти предвосхитил это возражение, когда описывал условия и характер «прямого сопоставления» содержания некоторого убеждения как концептуальной дескрипции с непосредственно доступным (имманентно осознанным) содержанием опыта: допущение о необходимости суждения в контексте такого сопоставления, как уже было отмечено, он считал *неоправданной гиперинтеллектуализацией когнитивно-сознательных актов*. С позиций когнитивно-функционального анализа ментальных состояний в каких-то случаях, возможно, было бы правильным рассматривать акт прямого сравнения дескрипции с объектом

⁶ Истинными.

как примитивный (метадискурсивный) акт. Аналогом этого может быть, например, непосредственное соотнесение какого-либо натурального (неконцептуального!) изображения (в его дескриптивно-репрезентативной функции) с оригиналом, которое «моментально» разрешается в узнавание. Но если бы в своей трактовке прямого сравнения дескрипции (содержания интроспективного убеждения) с объектом (имманентно осознанным содержанием опыта) БонЖур имплицитно опирался на аналогию «идентификации», подобную той, которая описана выше, то такая аналогия при любых условиях была бы иррелевантной для квалификации акта сопоставления как сознательного акта, который *дает эпистемически значимое основание* полагать, что концептуальная дескрипция является корректной, истинностно-содержательной.

Заключение

Эмпирический фундаментализм, в котором утверждается, что основной массив убеждений получает обоснование через комплекс инференциальных связей с убеждениями, выступающими в роли базисных, при объяснении эмпирической фундированности последних с интерналистских позиций сталкивается со сложной дилеммой, альтернативами которой выступают, с одной стороны, реанимация регресса в обосновании как неизбежное следствие признания доксистической природы отношения к опыту, а с другой – дефолт обосновательной значимости самого опыта, который кажется неизбежным, если допустить, что сознание опыта не предполагает реализации пропозициональных установок. Эпистемологическая проблема заключается в том, чтобы выработать непротиворечивое объяснение того, как сознание содержания опыта, независимое от концептуальных форм и пропозициональных установок, может играть роль фактора, значимого для обоснования убеждений.

Концепция БонЖура – оригинальная и довольно эвристичная попытка представить условия обоснованности базисных убеждений исходя из такой реконструкции их функционально-семантической связи с опытом, сопряженной с переосмыслением условий сознательного отношения к содержанию опыта, которая позволила бы, по замыслу БонЖура, избежать сложной дилеммы, подрывающей позиции эмпирического фундаментализма.

Позитивные выводы

- 1) Аргументация БонЖура представляет пропедевтический шаг в деле реабилитации эмпирического фундаментализма: исследуя условия неинференциального (опытного) обоснования ограниченного класса убеждений (в основном интроспективных), БонЖур с позиций интернализма доступа пытался продемонстрировать, что *в принципе* можно придать когнитивную значимость «содержанию опыта», выделив в последнем конституенты *сознательности*, и определить роль последнего именно как *сознательного опыта* в системе релевантных факторов обоснования убеждений, выступающих в роли базисных. БонЖур предпринял смелую попытку реабилитировать «непосредственно данное содержание» опыта и представить его в качестве фактора, значимого для обоснования пропозициональных установок, эвристически переосмыслив условия сознаваемости этого опыта (в этом плане показательна его критика концепции Д. Розенталя, утверждавшего, что сознаваемость ментальных состояний требует мыслей «высокого порядка»).
- 2) Подход БонЖура к проблеме эпистемического статуса эмпирически базисных убеждений, основания для признания истинности которых, выпадающие из

доксастической сферы, ставятся под вопрос критиками фундаментализма, опираясь на принципы эпистемологической парадигмы, которая восходит к расселовской концепции различия «знания по описанию» и «знания по знакомству» (БонЖур переосмысливает отношение «знакомства» в смысле конститутивно-имманентной сознаваемости опыта) и тяготеет к позиции «непрямого реализма»: в качестве базисных выделяются убеждения относительно феноменального содержания опыта, но эти убеждения не являются абсолютно гарантированными от ошибки, следовательно, вопрос об их обоснованности является вполне релевантным. Таким образом, БонЖур отрицает допущение о непогрешимости базисных убеждений и в этом аспекте согласен с критиками классического фундаментализма, такими как К. Лерер.

- 3) Предлагаемое БонЖуром пропедевтическое решение проблемы, известной как «дилемма Селларса», изначально не выходило за рамки тех интерналистских ограничений, которые выражаются не только в принятии стандарта когнитивной доступности факторов обоснования, но и в распространении привилегированного доступа (КИ-сознаваемости) на верификаторы (факты относительно собственных доксастических и перцептуальных состояний субъекта). В концепции БонЖура обоснование базисных убеждений достигается в результате прямого сравнения или сопоставления концептуального описания и неконцептуального фрагмента реальности, где реальность сама по себе есть некое сознательное состояние, а описание относится к осознаваемому содержанию этого состояния. Таким образом, БонЖур демонстрирует, что непосредственно данное содержание опыта не является мифом, и в этом аспекте он расходится с критиками эмпирического фундаментализма, который опирались на анализ Селларса.

Негативные выводы

Анализ показывает, что основные посылки и допущения, на которых основывается решение БонЖура, во многих аспектах являются эпистемологически проблематичными и некогерентными.

- 1) Ряд проблем обнаруживается при анализе оснований, исходя из которых в концепции БонЖура определяется когнитивно-функциональный статус и утверждается эпистемическая значимость конститутивно-имманентной сознаваемости опыта как фактора обоснования базисных убеждений: с одной стороны, сознание опыта, трактуемое как конституент его содержания, не проходит квалификацию на роль основания с точки зрения интерналистских стандартов: условие корректности («непогрешимости») предполагает нормативно-эпистемическую оценку, однако примитивный (неапперцептивный) характер сознания, «встроенного» в содержание опыта, делает такую оценку иррелевантной; условие признания основания в качестве адекватного со стороны субъекта требует такого усиления условия доступа, которое в пределе может трансформировать КИ-сознаваемость в форму убеждения, но такая редукция расходится с допущением возможности такого схватывания характера и содержания опыта, которое обходится без убеждений второго порядка; с другой стороны, если КИ-сознаваемость выступает в роли обстоятельства, которое не требует какой-либо оценки и признания в качестве адекватного источника обоснования со стороны субъекта, но выступает лишь каузально-функциональным условием доступности опыта, с которым, по мысли БонЖура, должны непосредственно сопоставляться убеждения как его дескрипции, то такой подход не позволяет

обосновать эпистемическое значение фактора, определяющего достижение субъектом оптимальной позиции, позволяющей верифицировать убеждения, если такое обоснование должно выстраиваться преимущественно в парадигме интернализма.

- 2) В основе разработанной БонЖуром модели когнитивно-актологической структуры обоснования базисных убеждений лежит допущение относительно возможности прямого (не опирающегося на анализ и не требующего суждения) сопоставления содержания убеждений как своеобразной концептуальной дескрипции с имманентно сознаваемым содержанием опыта. Но такое допущение, отрицающее необходимость вынесения суждения при сопоставлении концептуальной дескрипции с объектом, само по себе является амбивалентным и эпистемологически неоправданным: с одной стороны, если сознание того, в чем состоит убеждение, доводимое до статуса дескрипции, требует рефлексивного акта, то возникает проблема соизмеримости рефлексивного и имманентно-сознательного компонентов; с другой стороны, содержание убеждения может быть уже известным и понятным субъекту, но для сравнения необходимо также понимание того, каким должно быть содержание опыта, чтобы соответствовать дескрипции, следовательно, акт понимания не является простым; наконец, тезис о пропозициональной бессодержательности сравнения или сопоставления концептуального описания (убеждения) с объектом (доксастическим или перцептуальным опытом), приходит в противоречие с представлением о том, что сравнение должно производиться по каким-то различимым признакам и, следовательно, предполагает различающие, сопоставляющие и идентифицирующие суждения; нейтрализовать такое представление можно было бы в контексте трактовки сравнения как предпосылки, заключенной в акте узнавания, но такая аналогия не проходит эпистемологическую квалификацию.

Таким образом, подход БонЖура к решению дилеммы Селларса, сталкивается с проблемами концептуального, нормативного и содержательного характера, без решения которых эффективность этого подхода в плане реабилитации позиций интерналистского фундаментализма остается под вопросом.

Библиография

1. Галухин А.В. К вопросу о значимости обоснования для реализации условий знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8. № 3А. С. 107-146.
2. Галухин А.В. Проблема эмпирического базиса науки и ее решение в критическом рационализме К. Поппера // Кавказские научные записки. 2010. № 1. С. 197-206.
3. Bergmann M. A dilemma for internalism // Knowledge and reality: essays in honor of Alvin Plantinga. Dordrecht: Springer, 2006. P. 137-177.
4. BonJour L. Back to foundationalism // BonJour L., Sosa E. Epistemic justification: internalism vs. externalism, foundationalism vs. virtues. Oxford: Blackwell, 2003. P. 60-76.
5. BonJour L. Epistemology. Classic problems and contemporary responses. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. 248 p.
6. BonJour L. Foundationalism and the external world // Philosophical perspectives. 1999. Vol. 13. P. 229-249.
7. BonJour L. The structure of empirical knowledge. Cambridge: Harvard University Press, 1985. 258 p.
8. BonJour L. Toward a defense of empirical foundationalism // Resurrecting old-fashioned foundationalism. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 21-40.
9. Davidson D. Subjective, intersubjective, objective. Oxford: Clarendon Press, 2001. 256 p.
10. Fumerton R. Direct realism, introspection, and cognitive science // Philosophy and phenomenological research. 2006. Vol. 73. No. 3. P. 680-695.
11. Lee B.D. BonJour's way out of the Sellarsian dilemma and his explanatory account // Dialogue. 2013. Vol. 52. No. 2. P. 287-304.

12. Lehrer K. Knowledge. Oxford: Clarendon Press, 1974. 265 p.
13. Neta R. Reflections on reflective knowledge // Philosophical studies. 2011. Vol. 153. No. 1. P. 3-17.
14. Popper K. The logic of scientific discovery. London; New York: Routledge, 2002. 545 p.
15. Sellars W. Empiricism and the philosophy of mind // Science, perception and reality. Atascadero: Ridgeview Publishing Company, 1991. P. 127-196.
16. Sosa E. Knowledge in perspective. Selected essays in epistemology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 316 p.

Criticism of internalist foundationalism in the theory of justification: the Sellarsian dilemma – BonJour's solution

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Docent,
Associate Professor at the Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36 Stremyanny lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

This article presents an analytical exposition of the key points of a rather heuristic epistemological approach to solving the problem of the justificatory status of basic beliefs, which was developed by L. BonJour with a view to finding a way out of the Sellarsian dilemma. Bonjour's solution to the problem is exposed through a set of theoretically innovative steps, such as the transformation of cognitive access conditions by introducing the concept of constitutive or "built-in" awareness of the content of one's experience, which is not reflective or apperceptive in character, the functional-semantic interpretation of basic beliefs which involves treating them as conceptual descriptions of the relevant experiences, and the determination of the ideal position that would enable one to assure empirical justification of basic beliefs on the basis of direct comparison of their descriptive content with the content of experience grasped accessible through constitutive awareness. The basic premises and assumptions are, in many aspects, epistemologically problematic and incoherent. Firstly, the conscious awareness of one's experience, being non-apperceptive but constitutive of the very character and content of the latter, does not qualify for the role of an epistemically valid reason from the point of view of internalist standards. Secondly, the most controversial issue in BonJour's theory is the claim that the act of comparison by which one can become aware of the fact that the experiential content reflected in the constitutive awareness satisfies a correlative conceptual description, does not involve and require any judgements: if the comparison is made on the basis of relevant features, then it cannot be unmediated by judgments.

For citation

Galukhin A.V. (2020) Kritika internalistskogo fundamentalizma v teorii obosnovaniya: dilemma Sellarsa – reshenie BonZhura [Criticism of internalist foundationalism in the theory of justification: the Sellarsian dilemma – BonJour's solution]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (2A), pp. 37-56. DOI: 10.34670/AR.2020.21.58.005

Keywords

Empirical knowledge, inferential justification, classical foundationalism, Sellarsian dilemma, basic beliefs, experience, conscious state, internalism.

References

1. Bergmann M. (2006) A dilemma for internalism. In: *Knowledge and reality: essays in honor of Alvin Plantinga*. Dordrecht: Springer, pp. 137-177.
2. Bonjour L. (2003) Back to foundationalism. In: Bonjour L., Sosa E. *Epistemic justification: internalism vs. externalism, foundationalism vs. virtues*. Oxford: Blackwell, pp. 60-76.
3. Bonjour L. (2010) *Epistemology. Classic problems and contemporary responses*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
4. Bonjour L. (1999) Foundationalism and the external world. *Philosophical perspectives*, 13, pp. 229-249.
5. Bonjour L. (1985) *The structure of empirical knowledge*. Cambridge: Harvard University Press.
6. Bonjour L. (2001) Toward a defense of empirical foundationalism. In: *Resurrecting old-fashioned foundationalism*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, pp. 21-40.
7. Davidson D. (2001) *Subjective, intersubjective, objective*. Oxford: Clarendon Press.
8. Fumerton R. (2006) Direct realism, introspection, and cognitive science. *Philosophy and phenomenological research*, 73 (3), pp. 680-695.
9. Galukhin A.V. (2019) K voprosu o znachimosti obosnovaniya dlya realizatsii uslovii znaniya [On the value of justification in attaining conditions of knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (3A), pp. 107-146.
10. Galukhin A.V. (2010) Problema empiricheskogo bazisa nauki i ee reshenie v kriticheskom ratsionalizme K. Poppera [The problem of the empirical basis of science and its solution in K. Popper's critical rationalism]. *Kavkazskie nauchnye zapiski* [Caucasian scientific notes], 1, pp. 197-206.
11. Lee B.D. (2013) Bonjour's way out of the Sellarsian dilemma and his explanatory account. *Dialogue*, 52 (2), pp. 287-304.
12. Lehrer K. (1974) *Knowledge*. Oxford: Clarendon Press.
13. Neta R. (2011) Reflections on reflective knowledge. *Philosophical studies*, 153 (1), pp. 3-17.
14. Popper K. (2002) *The logic of scientific discovery*. London; New York: Routledge.
15. Sellars W. (1991) Empiricism and the philosophy of mind. In: *Science, perception and reality*. Atascadero: Ridgeview Publishing Company, pp. 127-196.
16. Sosa E. (1995) *Knowledge in perspective. Selected essays in epistemology*. Cambridge: Cambridge University Press.